

П. Засодимский

Перед потухшим камельком

Святочный рассказ

(Из воспоминаний одного моего знакомого)

Святочные истории: Рассказы и стихотворения русских писателей.

Составление, примечания С. Ф. Дмитренко.

М., "Русская книга", 1992

OCR Бычков М. Н.

В тот вечер я решительно был не в духе. Да как же!.. Святки на дворе, а я сижу дома один-одинехонек. Насморк, кашель, грудь заложило...

Я отворил дверь из кабинета в залу и с горя принялся шагать по комнатам взад и вперед. В свое время, то есть в десять часов, моя экономка Анна Ефимовна подала мне чай. А я, заложив руки за спину, продолжал шататься из угла в угол. Одиночество в тот вечер тяготило меня. Старый холостяк в будни не так сильно чувствует свое одиночество, как в свободное праздничное время. Хотелось бы душу отвести, поговорить с кем-нибудь откровенно. А тут, как назло, нездоровье заставило меня сидеть дома. Да и то сказать, с кем же я мог бы поговорить так, как мне хотелось? Ни родных у меня, ни друзей... знакомых, правда, много, пожалуй, хоть отбавляй... Но эти знакомые, эти партнеры-винтеры,-- вовсе не то, что мне надо... Да и тех-то теперь нет под руками... Анна Ефимовна? Женщина очень почтенная, слов нет, точная, аккуратная, и за пятнадцать рублей в месяц превосходно ведет мое хозяйство, и служит мне верой и правдой, то есть -- ворует по мелочам, в меру. Но о чем же разговаривать с ней? Выслушивать опять ее рассказ о том, как она жила в Царском Селе у старой генеральши Хреновой и чесала гребнем ее четырнадцать болонок?.. С ней можно пошутить, потолковать насчет обеда -- и только... Без всякого аппетита выпил я стакан чаю, налил другой и ушел с ним в кабинет.

-- Прикажете убирать? -- немного погодя спросила Анна Ефимовна, показываясь в дверях.

-- Да, я больше не буду пить! -- ответил я ей.-- Убирайте! И можете ложиться спать...

Я сам затопил камин, придвинул к нему круглый столик и поставил на него свой стакан с чаем и небольшой граненый графин с ямайским ромом настоящего елисеевского приготовления. Затем я потушил свечи на письменном столе, подкатил к камину кресло и удобно расположился в нем. Методически, не торопясь, я положил на стакан ложечку, опустил в нее кусок сахара и облил ромом. Синевато-бледный огонек забегал над стаканом, а я стал смотреть на него. Скоро огонек стал опадать, заметался, вспыхнул раз-другой и погас. Понемногу прихлебывая, пил я горячий напиток... В квартире было тихо; Анна Ефимовна, очевидно, уже отправилась спать. Допив стакан, я поставил его на стол, закурил сигару и, откинувшись на спинку кресла, стал смотреть в камин. Дрова разгорались, и порой, когда ветер задувал в трубу, из камина слегка припахивало горячей березовой корой. Этот знакомый запах напомнил мне мое далекое детство... Весело проводил я тогда святочные вечера.

В то время я жил в родном Михальцеве с отцом, с матерью, сестренкой Олей и с моей няней-баловницей, Максимовной. Для меня в саду устраивали гору, по вечерам зажигали елку... Мать, по-видимому, очень любила меня. Я помню, как она разглаживала мои русые кудри, как ласково гладила меня по голове и крепко целовала. Ее поцелуи, признаться, мне не особенно нравились; я гораздо охотнее целовался украдкой с горничными девчонками. Отец не раз собирался посечь меня за шалости, но мать всегда за меня заступалась. Я слышал однажды, как она нравоучительным тоном говорила отцу:

-- Прошу тебя... оставь, пожалуйста! Ведь таким наказанием можно выбить из ребенка всякий стыд!

Конечно, я был очень благодарен за ее заступничество,-- но только она совершенно напрасно сокрушалась за мое чувство стыда. Это чувство уж было утрачено. Я боялся только физической боли, но розги как позор нисколько меня не смущали...

Все они -- отец, мать, и сестренка, и няня -- уже давно ушли туда, откуда никто не приходит... Михальцево куплено каким-то кулаком, и знакомые, милые липы уже давно срублены. Моя детская была мохом поросла...

Потом мне припомнилось, как гимназистом, в нашем губернском захолустье, я ездил на святках с